

ИВАН МИТРЯЙКИН

НАБЛЮДАТЕЛЬ

**ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
ПРОИЗОШЛИ В ДАЛЁКОМ БУДУЩЕМ**

Иван Митряйкин

Наблюдатель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70400233

SelfPub; 2024

Аннотация

Ядерная война поставила человечество на грань полного уничтожения. Главный герой, разгильдяй по жизни, чудом остается жив и с такими же «счастливчиками» принимает участие в последних боях между выжившими. Он понимает, что долго не протянет и вскоре погибнет в этой бессмысленной битве. Но судьба распорядилась иначе. После неудачной попытки спасти сослуживца он начинает видеть тех, кого не должен... и самое главное, они тоже обращают на него свое внимание.

Содержание

Очень краткий пролог	4
Глава первая	5
Глава вторая	21
Эпилог	43

Иван Митряйкин

Наблюдатель

Очень краткий пролог

Я хорошо помню тот день, когда кто-то нажал на кнопку. Были это наши правители, или их недавно выбранная стерва осмелела, неизвестно. Может быть, вообще какая-то третья сторона решила ускорить процесс всего этого трындеца. Тут уж не суть важно. «Большой барабум» настал одновременно везде. В течение нескольких суток весь мир был уничтожен, остатки населения сошли с ума. Ну не в смысле рехнулись, а... В общем сейчас расскажу поподробнее.

Глава первая

В тот день я ехал в Грузию. Наконец-то вырвался в страну, которую видел только в ранней юности. И понятно же, что тогда, в юности, ни о каком культурном обогащении речи не шло, хотя нет, вру, шло. Я деревенский пацан научился различать марки вин и выпендриваться этим в своих компаниях. Мы же в деревне были людьми простыми и хлестали все, что горит, закусывали огурцом и запивали «болтанкой». Болтанка – это такой напиток, изготовленный из прошлогоднего варенья и воды (размешать, дать осесть, пить, стараясь не взболтнуть). Красота!

Поехал на автобусе. Дешевле. Первые полчаса честно пытался понять, почему люди, пять минут назад вошедшие в автобус, сразу начинают есть, торопливо разворачивая замотанных в фольгу кур и чистя вареные яйца, но вразумительного ответа не нашел, и оставив эту задачу Пелерману, откинул сидение и включил аудиокнигу. Нравилось мне это дело: послушать о вампирах да эльфах. Жанр Фэнтези был моим любимым, хотя книги его родоначальника Толкина я недолюбливал и отдавал предпочтение более современным авторам. В общем, первые сутки прошли нормально, я спал, слушал книги и выходил на санитарных остановках, быстро пил дрянной кофе и возвращался на свое место. А с утра, как только надел наушники... БАХ, а через доли секунды ближе

БАБАХ. Вот так все и началось.

Хорошо, что я уехал. Плохо, что не уговорил на эту авантюру родных и друзей. Честно говоря, никого я и не звал, мне хотелось побыть одному. Свершилось, теперь я один. Ни родных, ни друзей. Может, кто-то где-то и остался, но без устойчивой, а в большинстве мест совсем отсутствующей связи ничего узнать было нельзя. Да я и не узнавал. Там вначале такое творилось, не до поисков, а потом стало еще хуже. Глобальная война на полное уничтожение. Только вот вояк осталось очень мало, большинство сгорело в ядерном пламени. Да и с меня какой воин, я же ребенок из девяностых. То есть из того времени, когда в космонавты уже не брали, из людей поперла вся, прежде тщательно скрываемая, ненависть, а в армии служить стало не модно. Вот я и не служил, а получил на руки военный билет, где черным по белому было написано «не годен». Но в современных реалиях освобождение от строевой помогло мне как бабе вареная сосиска, вроде и есть, но подходит только для того, чтобы съесть.

В общем, по порядку, после первых ударов я, реквизируя себе транспорт, а именно небольшой скутер, рванул в сторону гор. Думал, по ним точно бомбить нет смысла, найду какой-нибудь монастырь, наймусь на работу за еду и пересижу весь этот беспредел. Но как, оказалось, поехал я в сторону следующего удара. В общем, только выбрался на трассу... БАМ! Темнота и ничего не помню. Ну, наверняка взрывная волна, что же еще. Очнулся я в палатке полевого госпиталя,

как не странно абсолютно здоровый и без повреждений. Вот так и попал на войну, а точнее к Бате.

Батя – это наш ротный. А состояла наша рота из хороших парней и девчонок, собранных из самых разных мест нашей необъятной планеты. Русская речь мешалась с английской, немецкой и другими мне неизвестными – настоящий интернационал, мечта Маркса и Энгельса, только вот вел он не к коммунизму и светлому будущему, а в другие места, в те, откуда не возвращаются. Итак...

– Вась дай курнуть.

Василий, айтишник из Аджарии протянул мне вейп, и я затянулся сладковатым дымом. Мечтательно выдохнул.

– Эх, сейчас бы нормального табаку.

– Курение вредит здоровью, – поучительно проговорил Василий и укоризненно погрозил пальцем.

Он вообще хороший парень, только на прошлом прилете его немного контузило, и теперь он периодически забывал свое имя. А иногда по памяти цитировал «Войну и мир», хотя в минуты просветления утверждал, что не в школе, не тем более после нее не читал эту книгу, уж больно она толстая и нудная. Вполне вероятно, что следующим прилетом накроет и нас, а он парит вейп, считает, что так бережёт здоровье. ЗОЖевец – это диагноз, что с них возьмёшь.

– На-ча-лось!

Васин крик вывел меня из задумчивости, но пока команда дошла до мозга, тело уже среагировало, и я шмякнулся

на землю, впечатываясь мордой в грязь, а только потом прислушался. Да, началось. Бахнуло так, что сверху посыпалась земля. Потом еще раз, ближе, и еще, сейчас пойдут.

Проверил автомат, магазин полный, два в запасе. Удивительно, как быстро я, в прошлом любитель алкоголя и других «интересных» веществ, поклонник фантастики, выпускник педагогического ВУЗа по специальности психология, научился обращаться с этой железкой, а еще очень быстро бегать и прятаться. Хотя оно и понятно, тех, кто не смог приспособиться, мы хоронили в первую неделю.

Сегодня артиллерии было мало, вскоре пошла пехота, они пёрли под прикрытием пары российских автомобилей «Рысь» и нескольких разномастных американских джипов.

– Суки, зеленые, они-то откуда взялись? Ненавижу! – Вася сплюнул и, не разгибаясь, рванул по окопу к командующему. Батя был мужиком толковым и нас берёт. Но сегодня нас жали, сильно жали, а отступать некуда, за спиной горы, а за горами уже ничего. Быстро не уйдешь, можно конечно все бросить, и налегке рассредоточиться и потеряться среди валунов, но отступить команды не было, да мы и не собирались. Просто, зачем мы здесь, в этом забытом богом уголке, прижатые к горам? Какое стратегическое или иное значение имеет это место? Я не знал, да и не спрашивал, не моего ума дела. Над нами наверняка есть поумнее, вот пусть у них голова и болит, а мне некогда, мне нужно было выжить.

– Ахмат – сила, – за спиной раздались знакомые голоса

и в окопы запрыгнули бородатые ребята, все как обычно в легких брониках, вооруженные АК-12 и опасным блеском в глазах.

– Сила, – согласился я, перезарядил автомат, приподнял его над насыпью и начал отрабатывать территорию, раз-два влево, раз-два вправо, раз-два прямо.

На той стороне стихло. Ахмед, сидящий рядом, приподнялся над насыпью. Тишина. Неужели ушли. Он встал во весь рост, потом зачем-то полез наверх и тут «щелк», тихонько так, как ветка хрустнула. Он пошатнулся и упал, но упал очень неудачно, почти всем телом на ту сторону, здесь только ноги, торчат и дергаются. Что дергаются это хорошо, плохо, если это в последний раз.

Я подобрался поближе.

– Жив?

Он что-то в ответ прохрипел. Жив.

Я хватил его за ноги и потянул, стараясь перетащить через насыпь. Не получилось, тяжёлый, сука. Пришлось немного привстать, чтобы был упор и... «щелк». Я даже не понял, что случилось. Лежу в окопе, сверху хрипит и подергивается друг Ахмед, мой левый глаз ничего не видит, а правый потихоньку затягивает белой дымкой и меня начинает подташнивать. А, так я же убит, умираю. Вот такая она смерть, больше похожа на тяжелое похмелье, но похмельий то я пережил не мало, а вот смерть... Это смерть. Глупые мысли, конечно, но все же я успел их подумать, а потом темнота избавила меня

от дальнейших нелепых рассуждений.

Что же меня уберегло от помещения в лазарет и пичканье какими-нибудь успокоительными? Видимо моя привычка ни чему не удивляться. Приобрел я ее, когда в свое время подрабатывал санитаром в нашей местной психушке. Именно в тот период своей юности я и завел тесные знакомства с грибами, коноплёй и алкоголем. После приобретенного там опыта у меня не то что белочка, но и летающая тарелка, появившись она над моей головой, не вызвала бы бурных эмоций. Ну, может только пару печальных мыслей о предстоящей абстиненции. Да, вот так, моя суперспособность не удивляться и не реагировать на всё непонятное, пока я не разберусь. Но «ближе к телу», как говорил Мопассан. Очнулся я быстро, и как раз в тот прекрасный момент, когда наш фельдшер и его помощник не найдя у меня в голове выходного отверстия размышляли: вскрыть мне череп и извлечь пулю или просто написать заключение о смерти исходя из очевидных причин. Я приоткрыл глаза и удивился непонятному обзору, я же ещё не знал, что один прибор моего зрения поврежден. Но органов речи я не лишился, и при их помощи, не громко, но в очень невежливой форме сказал, что они могут друг другу вскрыть, куда им пойти и еще несколько слов про их беспородную мать, которая их произвела на свет, а потом попросил спирта. Не знаю, что их удивило больше, оживший я или мое желание выпить. После своей бурной юности я старался алкоголь и наркотики не употреблять, хватило «по гланды».

Спирта они мне дали, да и сами употребили. Не часто у них оживают люди со свинцом в голове. Короче, пуля мне вошла в угол глаза, видимых повреждений не оставила и застряла где-то там внутри. Что грозило мне внезапной, это по словам нашего фельдшера, или мучительной смертью, это уже по словам его помощника. Глаз не вытек и почти не был поврежден внешне, ожег слизистой и громадная гематома. Ребята соорудили мне повязку, пропитанную чем-то вонючим и, сказав, что до свадьбы заживет, если вскорости не помру, вытолкали прочь, предложив правда еще выпить, от чего я благоразумно отказался. И вот в таком вот образе пирата карибского моря, я пошел докладываться Бате.

Едва выйдя на улицу, я их и увидел. Они висели в воздухе и напоминали, не знаю что напоминали, то ли предметы, то ли каких-то птиц... Я так вначале и подумал. Птицы. Еще мелькнула мысль про новое оружие. Когда ты на войне, про другое особо и не думаешь. И только подойдя достаточно близко к одному из них увидел, что это не оружие и не какой-то там предмет, а что-то живое и непонятное. Натурально так, в центре живой глаз, а вокруг много-много перьев или крыльев, я не разобрал, но оно ими не махало, а просто плавно передвигалось по воздуху. Вот в тот момент я и промолчал. Если ни у кого это не вызывает удивления, то почему я-то должен волноваться? Я посмотрел на нее, хрень пернатая посмотрела на меня, и я молча прошел мимо к офицерскому блиндажу. По дороге с присущим мне флегматиз-

мом накидал в голове пару вариантов. Скорее всего, глюк, то есть галлюцинация, и тут или спирт оказал на меня такое влияние или, что, скорее всего, повреждение мозга. Все-таки у меня в нем кусок свинца застрял, и если от этого свинца я начал видеть плавающие по воздуху непонятные глаза, ну и пусть себе плавают, ведь они никому не мешают и никого не трогают.

Символически постучав, я сразу вошел. У нас все просто, если пришел, значит по делу, не было бы дела, то и не пришел бы. Батя сидел за столом и читал книгу. Его вид только укрепил мою теорию насчет повреждённого мозга, у Бати на рукаве была белая повязка. Нет у нас таких войск. По крайней мере, я о таких ничего не слышал. Синие, красные, голубые (и не только по названию) зеленые, розовые, да мало ли цветов, но я никогда не слышал о белых. Я перевел взгляд на свой рукав, так и есть, тоже белая, а до ранения была синяя. Ну, всё, кукуха поехала, плюс к белой повязке слева от головы комбата висела уже знакомая мне хрень с крыльями. Она плавно передвигалась по комнате, и казалось, не обращает на нас никакого внимания. И Батя тоже на нее не смотрел, а если вышестоящее начальство не видит проблемы, значит, ее нет. Некстати вспомнил анекдот.

– Товарищ лейтенант, а крокодилы летают?

– Нет, не летают.

– А комбат говорит, что летают.

– Но раз комбат говорит, что летают, то летают, но низень-

ко-низенько.

Ротный обернулся на стук двери, посмотрел на меня и расхохотался.

– Кутузов, вылитый Кутузов, слышь, педагог, ты сейчас не педагог, ты генерал-фельдмаршал.

Педагогом меня звали из-за моей гражданской профессии педагог-психолог.

Батя встал, строевым шагом подошёл ко мне и молодеж- вато отдал честь.

– Разрешите обратиться?

– Батя, не издевайся, и так башка трещит. Лучше скажи, что у нас тут нового произошло, пока я валялся трехсотым?

– Да ничего нового, синие держатся крепко, два раза хо- дили на нас в атаку, без толку. Нам и некуда, горы, а за го- рами грязная земля, фонит так, что Гейгер перегорает, так что нам только вперед. Мы зеленые, а зелень только вверх, только к солнцу.

Я до крови закусил губу, чтобы не ляпнуть, что синие это мы, мы. А зеленых мы били и не раз. Да и не выдержал бы, сказал, но тут взгляд мой упёрся в пернатого, и увидел, что этот глаз смотрит на меня, так внимательно смотрит. В об- щем, я сглотнул, моргнул и промолчал.

– Хреново мне Батя, я к себе пойду, но если что, то я в строю.

– Да, да не расслабляйся, ещё не известно, что на рассвете, вдруг опять...

Казарма встретила меня шумом, все старались похлопать по плечу, поздравить. У всех были белые повязки, а примерно половину парней и девчонок, что находились в нашем здании, я не знал, или если учесть травму головы, не помнил. Ведь в лазарете я пролежал не так долго, состав сменить не успели бы, а если успели, то откуда они так хорошо меня знают, называют по имени и предлагают чай пуэр в термосе, так как пью только я. Все чудесатее и чудесатее. И все те же пернатые плавают себе везде, глазают. Их становилось то меньше, то больше, они проплывали сквозь потолок и стены. В итоге я окончательно смирился с тем, что это глюк и причина этому – мое недавнее ранение. Смирился и лег спать. Спал, на удивление крепко, до четырех утра, а там как всегда, знакомый свист, и прежде чем мозг понял, что происходит, тело уже спряталось.

Бахнуло совсем недалеко. В современной войне это не так как в древности, там тебя, скорее всего, убила бы пуля, штык ну или граната, а сейчас большинство погибает от артобстрелов. В общем, рванули мы из казармы на позиции, я смотрю, а рядом со мной девчонка трётся и явно не из наших.

– Ты кто такая, – спрашиваю. Не хватало еще в бою с новичком рядом оказаться.

– Педагог, тебе с глазом кусок мозга отстрелили, мы же с тобой с первого дня вместе воюем, забыл?

– Да, видимо что-то с головой, тут помню, тут не помню, – пошутил я, рассчитывая на понимание и улыбку. Но

она осталась безучастной, глянула неодобрительно.

– Тебе бы ещё полежать, а то начнёшь своих крошить, а надо зелёных.

Да что за ... опять зелёных, вчера вечером зеленые были мы, ну тут я уже решил не шифроваться. Спросил.

– А мы тогда какие?

– Ты дебил?

От ее очень содержательного ответа мне ничего понятней не стало, но я предпочел согласиться с ее диагнозом, чем усугубить положение тупыми вопросами... тупыми на ее взгляд.

Разведка вывела на цель, и их артиллерии пришел конец. Мы пошли навстречу и врубались в мясорубку. Было страшно, я абсолютно не понимал, кто свой, а кто чужой, учитывая, что повязки у всех были белые и матерились все на русском, даже черно- и желтокожие. Сбоку появился Ахмед, я ему кивнул и улыбнулся, при этом, не забывая выискивать глазами врага. Вот видимо из-за этого и пропустил тот момент, когда дружелюбный чечен, которому я жизнь спас, вдруг бросился на меня. Я чисто рефлекторно ушел под удар. Дай бог здоровья моему тренеру по боксу, куда я ходил аж целых шесть месяцев. Видимо только благодаря его стараниям по выработке у меня безусловного рефлекса, камень, зажатый в руке Ахмеда, просвистел мимо моей головы. Вот сука. Мы боролись в грязи, с переменным успехом. То он бил меня по голове здоровой рукой надетой в тактическую пер-

чатку, то я пытался его оглушить зажатой у меня в руке гранатой... ГРАНАТОЙ! У меня же есть граната. Если вы видели в кино, как герой мужественно вырывает зубами чеку, так вот, это чушь, так не получится. Я это знал и поэтому даже не пытался. Но уже через пару минут я лежал обессиленный, а спасенный мною Ахмед, пытался меня задушить. Если бы у него нормально работали две руки, мне бы уже пришел конец. Но я понимал, что и так долго не продержусь. А так как терять мне было особо нечего, и при этом было обидно, что меня сейчас убьет человек, которому я спас жизнь, и получил из-за него пулю. В общем, я решился, полностью перестал сопротивляться, расслабился, освободил руку и дотянулся до гранаты. А потом крепко, крепко обнял его за шею, прижимая к себе. Ахмед все понял, задергался, но я держал крепко. Обнимал как в последний раз. И в этот момент в поле моего зрения появились берцы, их хозяин наклонился, и, приставив ствол к голове моего недруга, сделал одиночный выстрел. Оттолкнув от себя тело, я посмотрел на труп. Сука, Ахмед, ты что наделал. И только потом вспомнил... Граната. Оглянувшись и не увидев ее рядом, в прыжке сбил с ног ротного, прижал к земле, замер, ожидая взрыва. Полежав подо мной несколько секунд, Батя поинтересовался:

– Педагог, мы как, будем воевать, или у тебя начался брачный сезон?

– Граната!

– Какава-такава граната, – ротный легко отодвинул меня

и встал на ноги.

Треснула автоматная очередь, и в тот же миг время как будто замедлилось, Батя стоял, всматриваясь в землю вокруг нас, а пули медленные как шмели долетали до него и исчезали, я видел это собственными глазами, а ротный не обратив на стрельбу никакого внимания повернулся.

– Пошли, устал ты, сейчас парни зачистят, и будем закрепляться. Он резко повернулся и пошел в расположение, при этом чуть не снес пернатого, висящего у его правого плеча.

Спать я не мог, повалявшись пару минут на лежанке, не выдержал, встал и пошел к Бате. Ну а к кому мне еще было идти. Не с ребятами же делиться. И так многие уже думают, что у меня фляга свистит. Хотя с вечно пищащими счетчиками Гейгера, гарью, полумраком, запахом горелого мяса и ожиданием, что тебя придут убивать, крыша поедет у любого. Я постучал и сразу попытался войти. У Бати было занято, вокруг стола сидели пара ротных и комбат собственной персоны.

– Зайди через час, – махнул рукой Батя.

Час так час. И я пошел бродить по расположению. Народ отдыхал. Кто-то курил, кто-то дышал, сняв некоторую часть амуниции. Ну а я себя накручивал. Что происходит? Как понять? Что делать? Этот Ахмед сука, я из-за него глаз потерял, а сегодня он меня чуть не убил, а в итоге умер сам. Что за хрень? Может у него тоже психика не выдержала. Да нет, он не похож на того, у кого крыша едет. Да и Батя своего

бы не пристрелил. Он каждого человека бережёт. Тут что-то другое.

В офицерский блиндаж я вошел уже на нервах, наметив жесткую линию разговора. Но Батя меня опередил, спросил ласковым не предвещающим ничего хорошего тоном.

– А почему ты врага звал по имени, друг твой? Знакомый?

Сказать, что я опешил, значит, ничего не сказать, и из-за этого распсиховался еще больше. Меня понесло и совсем не в ту степь.

– Какой друг, какой враг, это же Ахмед, ты же его знаешь, мы же на прошлой неделе вместе наступали, ты еще его хвалил. Мы тогда еще синими были.

– Синими? Ты был синим? – У Бати опасно сощурились глаза.

– Я был, ты был, Ахмед был, мы были, а теперь мы зеленые. А завтра еще какие-нибудь. Все это чушь, нет никаких цветов и различий, посмотри, посмотри на свою повязку, – Батя недоуменно посмотрел на свой рукав потом опять на меня, – Она не имеет цвета, она белая, и у меня и у тебя и у Ахмеда и у тех парней, что сегодня легли по всей территории. Нет цветов, нет различий, нет причин для того чтобы мы убивали друг друга. Назови мне хоть одну причину?

Батя, покачал головой.

– Причину? Они враги.

– А почему они враги? Может, стоит у них спросить, почему они нас убивают.

– Потому что мы враги, а вот тебе нужно показаться медикам, видимо совсем с головой плохо.

– Нет, я здоров, но здесь происходит какая-то чертовщина. Куда исчезла граната? Почему пули, летевшие в тебя, исчезли, почему Ахмед стал врагом, почему все повязки белые, и что здесь делают вот эти штуки, я повернулся и ткнул пальцем в сторону близко подлетевшего пернатого, чуть не уколол его в зрачок грязным ногтем. Батя повернулся и с удивлением осмотрелся. По его лицу было понятно, что он ничего не видит, а вот пернатый отреагировал. Он как бы моргнул, и на месте безучастного глаза появилось лицо, простое, красивое женское лицо. Оно с интересом посмотрело на меня, а потом развернулось и поплыло в сторону двери, остановилось, еще раз повернулось, глянуло на меня и возобновило свой путь. Тут уже не выдержал я, нельзя так с людьми, у которых организм измучен нарзаном. Схватив автомат со стола комбата, я рванул за этим чудом пернатым. Потом решив не тратить на беготню время, полоснул по нему короткой очередью. Летун пули не заметил и они его кстати тоже. А вот бойцы выстрелы слышали и через некоторое время, очень короткое, мне в спину смотрели сотни изумленных глаз, и как я предполагал, не один десяток стволов. А я бежал за этим гадом и пытался его пристрелить. Забавная видимо была картина: бегущий и смешно подпрыгивающий солдат, матерящийся и стреляющий по воздуху. Но мне было все равно, я бежал, отдаляясь от наших позиций, прибли-

жаясь к зараженным землям.

Глава вторая

Наши побегушки длились несколько часов и закончились у подножья гор. Пернатый просто влетел в скалу, и исчез. Вот сука. Я рухнул на землю и зашелся лающим кашлем, пот заливал мне глаза, а ноги тряслись. Такие марафоны точно не для меня. И что дальше? Вернуться? Нет, не примут. Скорее пристрелят, не со зла, а так, на всякий случай. Я встал все еще тяжело дыша, перезарядил оружие, плюнул и зло пнул гору, нога, не встретив препятствий, вошла внутрь, и я чуть не грохнулся, потеряв равновесие. Что за чертовщина? Подошел поближе, в монолитной стене появилась дверь, нет, скорее проход, или провал. Темный провал, там, где его секунду назад не было.

– Эй, – крикнул я вглубь, – кто там?

– Здравствуй, Данила-мастер, давно ко мне люди не заходили.

Девушка, вышедшая на встречу, была красива, рыженькая, с зелеными глазами и милыми ушками. Ну, нравятся мне в девушках милые ушки, кому-то большая грудь, а мне вот так.

– Кто ты? – Оружие я не опускал. Понятно же, что эта девушка не человек, хоть и выглядит шикарно. Она не ответила, а повернулась и пошла по проходу. Я сбросил ремень, и, привычно отсчитывая раз-два, выпустил ей в спину корот-

кую очередь... Вернее нажал на курок, но мой безотказный АК-12 просто щелкнул. Я попробовал ещё раз, и в этот раз автомат заиграл мелодию, которую издает китайская игрушка, купленная на рынке. Это какой-то трэш.

Девушка повернулась ко мне и в недоумении приподняла бровь.

– Ты идёшь?

Я закинул оружие на плечо дулом вниз и покорно потопал следом, стараясь не акцентировать внимание на нереальности происходящего, а отвлечься на что-нибудь более мне понятное. Но вокруг ничего не было, и единственное, за что цеплялся взгляд, так это покачивающиеся впереди весьма аппетитные ягодицы... Эх!

Хорошо, что у меня нет клаустрофобии. Создавалось впечатление, что гора перед нами раскрылась, мы вошли, и она за нами закрывалась, а идем мы как будто в каменном пузыре, который передвигается вместе с нами. Путь длился не долго, минут семь. На все попытки начать разговор моя спутница неопределенно пожимала плечами, и я, сделав пару попыток завязать разговор, заткнулся, логично рассудив, что если я ещё жив, то для чего-то нужен. На этой оптимистической ноте я начал было насвистывать имперский марш, но сделав очередной шаг, оказался на открытой территории, точнее вышел прям в русскую деревню, а если быть еще точнее, то улучшенную версии моих родных мест, в которых прошло счастливое детство и шальная юность.

– Эх, не хватает только... – Я не успел договорить, как где-то рядом во дворах запел петух. Я оглянулся и не увидел гор, вдалеке виднелся лес, слева текла река. – Вот ведьма, – искренне восхитился я.

Рыженькая улыбнулась и мило поинтересовалась:

– Ты сейчас думаешь, что если до сих пор жив, то для чего-то нужен?

Я кивнул, отнекиваться не было ни причин, ни смысла.

– Разочарую, никому ты не нужен, а тем более мне. И жизнь твоя ничего не стоит. Но раз из-за тебя мне пришлось принять вот такое состояние, – она указала на свое тело пальцем, – то мы немного пообщаемся.

– А тебе что скучно?

– Учитывая, что я в теле человека, то я испытываю все чувства и эмоции вашего вида, и в данный момент мне любопытно.

– Такое вот состояние, – задумчиво повторил я. – А ты кто, инопланетянин? – я усмехнулся, хоть совсем и не шутил.

– Ты очень удивишься, но мы оба здесь инопланетяне, – она засмеялась, откинув назад голову, – смешно да?

– Так, что ты такое? – непроизвольно стараясь подражать старому герою боевика, проговорил я.

– Что я? Кто я? Тысячи имен, тысячи лиц! А ты ведь даже книжки читал про меня.

– Я много чего читал, а в один период особенно много фантастики, и вполне может быть, что на почве прошлых

пристрастий к некоторым веществам крыша у меня и поехала, и лежу я сейчас в больнице, а все вот это, – я повел рукой по сторонам, – мне привиделось. Абстиненция, так сказать.

– Ох, и не надейся!

– Так ты меня похитила, хозяйка медной горы?

– Это ты сейчас провел параллель с Данилой мастером?

– Ну, сказки Бажова у нас многие читали.

– Не так чтобы сказки, он легенды собирал, а люди многое подмечают. Просто многое, очень многое находится за гранью их понимания, а еще больше за несовершенством их зрения.

– Пернатых твоих они что ли не видят?

– Их-то они периодически видят. Ты что, не встречал их изображения на стенах храмов? Они есть в любой религии.

– Точно, – я хлопнул себя ладонью по лбу, – видел, эти, как их..., ну...

– Если брать вашу религию, то херувимы и серафимы, если углубиться в мифологию то птица Гамаюн, если в фольклор то птица Хумай, но это вроде что-то из иранского...

Так за разговором мы дошли до дома, стоящего прямо на берегу реки. Недалеко виднелись качели, расположенные опасно над обрывом.

– Такое чувство, что я дома. Это ты создала под меня?

– Да, я прекрасно знаю твои мечты, и даже вкусы, – она кокетливо поправила волосы и невзначай тронула свое слегка оттопыренное ушко. Вот, зараза!

– Ты мне все это рассказываешь, потому что я уже не смогу никому передать наш разговор.

Она засмеялась и взмахнула рукой. И над рекою как на большом экране разгорелся бой. Вон наши ребята идут в атаку, кстати, неплохо продвинулись, вон так называемые враги, вон сбоку горы.

– Хочешь, иди, рассказывай, ты для них все равно сумасшедший. Могу отправить прям отсюда, но вернуться ты уже не сможешь.

– Я смогу им помочь?

– Им уже никто не сможет помочь, не ты, не даже я.

– А почему Батю пули не брали, – вспомнил я.

– Я берегу ключевые фигуры.

– Типа ангел хранитель?

– Можно и так сказать.

– Я тоже ключевая фигура?

– Ой, не льсти себе! Ты обычный проходняк. Видимо пуля повредила у тебя что-то в голове, и ты стал видеть мои ретрансляторы. Вот мне и стало интересно на тебя посмотреть, да пообщаться с живым человеком. Видимо иногда становлюсь сентиментальной.

– Типа как с Данилой?

– Данила был мужчиной хоть куда!

– Так кто ты?

– Можешь называть меня наблюдателем реальности пятого уровня, хозяйкой медной горы или просто Настенькой.

– Ээээ, Настенькой слишком сложно! Может хозяйка? Или все же наблюдатель реальности...

– Шутник!?

– Ты первая начала, – я улыбнулся. То, что она по сути не человек, меня не смущало абсолютно, я даже про это не думал. Глаза видели красивую девушку, и значит передо мной была красивая девушка. А кто она там на самом деле, этого мои глаза не видели... Ну, вы поняли дальнейшую логику, – а расскажи... – Попытался я продолжить задавать вопросы. Она приложила мягкую теплую ладошку к моим губам.

– Расскажу, но потом. Сегодня я баба-яга, а ты добрый молодец.

– Не понял, мы типа в сказку попали?

– Нет, типа, сначала в баню, потом накормить, напоить, да спать уложить. Ты что, не помнишь утвержденный порядок? – Она хлопнула в ладоши. – Баня готова, иди, попарься, ты же любишь это дело.

Если небольшой бревенчатый домик выглядит как баня, пахнет как баня, а сверху табличка с надписью «Баня», то, скорее всего это и есть баня. Дошатая дверь скрипнула, действительно скрипнула. Вот же реально-то все как! Предбанник встретил ароматным теплом и запахом сухих веников. Я пальцами пробежал по шуршащему богатству. Берёза, дуб, можжевельник, полынь и даже один небольшой с крапивой. Кайф! Небольшая парная на три ступени. Бадья для облива холодной водой с ручкой и душ, обычный душ с поддоном.

Классика. Баня была протоплена божественно, по-другому и не скажешь. Я посидел до первого пота, смыл его, ну а потом поддал парку и дал себе волю...

Где-то я читал, что на Руси мылись перед битвой. Я не знал, что меня ждёт завтра, но вымылся я на две битвы, на несколько смертей и даже на пару свадеб. Потом чистый и довольный сидел в предбаннике, дышал.

Моя амуниция волшебным образом испарилась, но на скамье аккуратной стопкой лежало «цивильное». Я надел чистые светлые брюки, рубашку поло и легкие сандалии. Вышел, огляделся, хозяйки видно не было. Зато был стол, а на столе еда, много еды: мясо вяленое, хлеб, огурчики, капуста квашеная, сало, картошка вареная, и запотевший графинчик, небольшой, максимум грамм на сто пятьдесят. Я выпил, потянулся за кувшином с целью запить и замер, никакого послевкусия и желания закусить, водка была не то, что качественная, нектар. Я такую никогда не пил, хоть не раз слышал, что такая существует где-то в богатой жизни. Ну что ж, приборы на одного намекали на то, что хозяйку ждать не стоит, я и не стал. Еда оказалась вкусной и обычной, все как у нас в деревне. Даже капуста с клюквой. Хорошо!

Поел. Вышел на берег. Сел на качели, никакого скрипа, туда, сюда. Вспомнилась наша рота, мои друзья. Они там, а я здесь. И никак не могу им помочь. Хотя, какой с меня там помощник, в бой не возьмут, скорее в лазарет упекут, так что буду только мешать, а сюда я их забрать не могу. Да и суще-

ствует ли в реальности это самое «сюда». Я все же допускал мысль, что лежу в лазарете с пулей в голове, и мой мозг выдает мне картинку моего будущего рая. Хотя, ну какой рай? Не верю я в рай. Перефразируя Шекспира, можно сказать рай пуст, все ангелы сдохли от одиночества и скуки... Стало смешно. И я засмеялся. Качался на качелях, взлетал в небо высоко-высоко и смеялся.

Я почувствовал ее присутствие и открыл глаза. Настенька стояла в изголовье кровати, красивая и голая. От ее легкого мускусного запаха у меня закружилась голова... Глубоко вдохнув этот пьянящий аромат, я застонал от вожделения и потянулся к ней. Она сделала скользящее движение мне навстречу, прерывисто вздохнула и...

Поспать мне удалось не много, пару часов, но это был самый лучший сон за последнее время. Я спал спокойно, в моей голове не было тревоги, я не прислушивался к окружающим меня звукам, вычленяя среди мужского и женского храпа (да, да, они тоже храпят) звуки прилетов. Я дышал не запахом давно не стираного белья, а свежим воздухом, и снилось мне лето, кусочек моего детства... Вот я бегу с горки к дороге, по которой важно, в развалку идет стадо коров. Я знаю, что сейчас заберу свою, отведу ее в сарай, и у меня будет еще время побегать с друзьями по улице, а если повезет, то кто-то даст прокатиться на велосипеде, и так почти дотемна, а дни летом длинные и жизнь впереди... бесконечная.

Проснувшись, я пару минут полежал, не открывая глаза,

в тщетной надежде вернуться обратно в детство, потом раздраженно откинул одеяло и встал, натянул брюки и босиком, без рубашки вышел из спальни. Там меня ждал накрытый к завтраку стол. Блины, сметана, чай. Эх, только бы живот не скрутило от всех этих разносолов домашних. Но осторожничать не стал, съел все, что было предложено. Посидел пару минут, сытно вздыхая и постанывая от удовольствия. Но делу время, а потехе час, пора. Вот уже пару минут как с улицы доносился скрип качелей (и что это они сегодня заскрипели???). Ждет, хозяйка медной горы.

Да, она сидела на отполированной доске и легонько покачивалась туда-сюда. Я подошел, и втиснулся рядом.

– Ну что, поиграла в человека? – я не издевался, мне действительно было интересно.

– Да, и я скажу, что это чертовски приятно. У меня оргазма лет двести не было, – она кокетливо улыбнулась и положила голову мне на плечо. Правда почти сразу убрала, но этого мгновения хватило, чтобы сердце у меня заколотилось, а в голове пронеслись картинки всего того, что мы с ней творили ночью.

– При твоих-то сроках жизни это совсем немного.

– Тут ты прав, ваши земные годы ничего не значат, да и время тоже. Я могу сказать, что у меня оргазма не было лет двести и то, что он был только вчера. Время – штука гибкая.

– Давай отталкиваться от того, что я все равно ничего не понял, и начнем сначала. Мы где?

– Как где? – она чуть повернула голову, кольнув меня длинными ресницами. – На планете Земля, точно такой же планете, откуда пошла одна из самых развитых ветвей человечества.

Информация о самой развитой ветви меня не заинтересовала, и я перешел к тому, что считал главным на тот момент.

– Где на земле, в другом измерении? В другой реальности?

Она засмеялась.

– Вот вы люди любите придумывать всякие измерения, реальности. Нет, мы находимся на планете, именно на планете, где ты родился и жил, если точнее, то на седьмом континенте, как ты понимаешь, люди здесь бывают не часто.

– Нет, не понимаю. Как я могу это понимать, если до этого момента я думал, что на земле шесть континентов. А ты говоришь семь.

Она опять засмеялась, какая веселая девушка, однако.

– Я не сказала семь, я сказала на седьмом. Люди многого не видят и не знают.

– Ты сейчас про своих пернатых... как ты их называла, ретрансляторы. Кстати, где они?

– Там, – она махнула рукой, и над рекой опять открылось поле боя, где люди в одинаковой форме и одинокого цвета повязках старались убить друг друга разными способами и самым разнообразным оружием, потом бой прекращался и они расходились по тем позициям, которые ближе, абсолют-

но забывая, что с утра они воевали за синих, а сейчас уже зеленые. Люди были одинаковые, во всех текла одинаковая красная кровь, у всех было одинаковое количество конечностей, не один из них не был чем-то лучше или чем-то хуже другого. Но каждый день они старались убить друг друга, а за что, никто не знал, одни говорили, что за землю, другие, что за слова, третьи кричали, что они что-то там предотвращают, но на самом деле просто за цвет повязки, не подозревая, что и это причина насквозь фальшивая, как и все остальные... А ведь просто нужно отказаться воевать, сложить оружие, и тогда у остатков человечества, был бы шанс.

– А некоторые уже там, – Настенька еще раз махнула рукой. – И там над водой появилась другая картинка: почти разрушенные города.

– Это что, конец человечества?

– Ну, ты не совсем прав, во-первых не конец, а начало. В ближайшее время закончится война, но не перемирием, а из-за того, что воевать будет уже некому. Остатки человечества уничтожат себя. В общем как всегда... Мы все почистим, приведем в первоначальный вид. А потом появятся новые люди, точно такие же, что были в первый раз, в том же количестве с теми же знаниями и возможностями. А уже через триста или пятьсот лет их потомки придумают себе тысячелетнюю историю, с десятком теорий возникновения мира и пару сотен богов. Это примерный сценарий, а вот как все будет на этот раз, я не знаю, я же просто наблюдатель и мое

вмешательство минимально.

Сказать что я охренел, значит, ничего не сказать,

– Так, мне срочно нужно выпить, чтобы трезво все обдумать.

– В доме есть, сходи.

– А сюда ты не могла наколдовать?

– Во-первых, я не колдую, а во-вторых я тебе не жена или служанка, встань и сходи сам, если у тебя есть желание, а нет, то сиди и слушай.

Я все-таки сходил. На столе, на котором точно ничего не было, когда я уходил, стоял графинчик с классическими ста граммами, все той же качественной водки. Вышел и остановился любуясь. Настенка качалась на качелях. Они взлетали туда-сюда, туда-сюда, все выше и выше, и при каждом их взлете картинка над рекой менялась. Вот множество людей, среди которых много детей, толпятся на улице и с интересом рассматривают все вокруг, будто впервые это видят... Обычный современный город с потоком машин, светящимися окнами и рекламой... Над городами идут тяжёлые бомбардировщики... Города, заваленные обгорелыми телами, прям Помпея, только архитектура современная... Мои ребята курят, сидя в окопе... Остатки города, заросшего лесом, живых людей не видно, и только в небе висят непонятные похожие на большие грецкие орехи предметы...

Настенька повернулась, кивнула мне головой. Изображения пропали.

– Ну что, полегчало? – качели замедлили ход.

Я подошел поближе, кивнул головой на реку.

– Что это было?

– Именно.

– Именно что?

– Именно было. А что было, то прошло, и говорить об этом не стоит. Что ты еще хотел узнать?

– Ты говоришь, что человечеству не так много лет, как мы думаем, а как же Дарвин, и все эти теории эволюции.

Она опять засмеялась.

– Я не сказала, что человечеству мало лет, я говорила именно про вас, вашу партию. А по поводу Дарвина. Вот смотри и думай. Новый взмах рукой, и над рекой понеслись леса, реки, степи, горы...

– Видишь, планета заполнена живыми существами, часть из них хищная, часть травоядная, но всех их объединяет одно – они готовы к жизни на этой планете, а планета готова к ним, у нее есть место для них. Ты что, действительно веришь, что первобытный человек при помощи палки выжил бы в дикой природе, и при этом развивался? Нет. Нет здесь места для человека, не предусмотрено. Вас людей здесь нет и быть не должно.

– Но мы здесь, – я начинал злиться, но не на нее, а на себя за то, что не могу ухватить самой сути разговора, хотя как казалось, что она, эта самая суть, лежит на поверхности.

– Но вы здесь, но только потому, что вас сюда привезли.

И будем привозить.

– Ты можешь просто рассказать? – Я продолжал злиться, и у меня заболела голова.

– Рассказать – нет, тут показывать нужно. Приготовься, – я не успел, она взяла меня за руку и я...

Я не верил в происходящее! Капитан сказала, что корабль умер, умер. Такого не может быть, но капитан сказала, что это все из-за чужого космоса. Да, мы прыгнули наугад, и нас вынесло в солнечную систему, состоящую из девяти планет. Одна из них была весьма маленькой, но все же планетой. А еще две полностью одинаковые планеты-сестры находились точно напротив друг друга. Но между ними постоянно находилась звезда, небольшая карликовая звезда, дающая этим планетам тепло и свет. Или точнее только двоим, планетам-сестрам, остальные были мертвы, хотя остатки жизни на них присутствовали. Это все мне успел показать наш корабль, пока еще был жив, а теперь его сносило в сторону одной из планет. Искусственные двигатели подвели, из четырех работал только один. Но капитан запретила нам его использовать, стараясь сохранить энергию. Она считала, что энергия нам еще понадобится. И ведь обидно, мы не боевой крейсер, мы пассажирский корабль, курсирующий между десятками планет, и наш груз это люди, люди с тех же планет, люди разные, черные, желтые, красные, белые, но люди, которых объединяет одно – наличие разума, даже при разном образе жизни и очень непохожих традициях. Кто на

нас напал, мы не знаем, но когда мы отчалили от U-337, забрав последнюю партию пассажиров, и уже собрались уйти в прыжок, как по планете был нанесен удар, частично зацепивший и наш корабль. Я до сих пор помню этот ментальный крик боли, и видимо под воздействием боли корабль совершил произвольный прыжок, переместившись в пространстве. И вот мы здесь, непонятно где, и нас сносит на незнакомую планету, а энергии осталось только на консервацию корабля и на спасательные капсулы...

– Внимание! – в головах раздался голос командира... – Будем эвакуироваться по отсекам, с перерывом на воссоздание энергии, пока это возможно. По этой причине мы окажемся на больших расстояниях друг от друга, но надеюсь, что со временем мы сумеем собраться вместе и решить, как нам всем вернуться...

... В прошлом здесь была жизнь, остатки архитектуры указывали на существовавшую когда-то в этих местах разумную жизнь. Их жилища были добротно построены и таких огромных размеров, что в залах и коридорах могли пройти строем все пассажиры нашего спасательного катера. Я глянул на висящий в небе законсервированный корабль. Он, похожий на шар, отражал свет местной звезды и своим присутствием дарил надежду на благоприятный исход нашей истории. В зарослях за спиной, что-то хрустнуло, я повернулся, произвольно сделал шаг назад и...

Очутился сидящим на качелях рядом с Настенькой, кото-

рая все так же держала меня за руку.

– Что, что это было?

– Прошрое, но не ваше, а настоящих поселенцев.

– Они спаслись?

– В общем-то да. Но за ними никто не прилетел, человечество прошло все этапы от деградации до расцвета технологий, от колеса до межзвездных кораблей... Они развились в одну из самых успешных ветвей человечества, умную и воинственную, благодаря им война во вселенной была выиграна, агрессор уничтожен.

– Так в чем проблема?

– Они не остановились на достигнутом, а ушли дальше в глубины вселенной, изучая и познавая ее...

– А мы их потомки?

– Ну не совсем... – Настенька замялась, – вы их клоны.

– Чего... – я вообще мат не люблю, но тут вырвалось, вы уж простите.

– Кло-ны, – повторила она по слогам, – точные копии, но неудачные к сожалению.

– Ты хочешь сказать, что когда эта развитая ветвь людей победила всех на своей территории и отчалила искать приключения в прекрасное далеко, вы взяли и клонировали их?

– У тех народов, что остались, начался регресс, процесс хоть не быстрый, но неизбежный. Это результат мирной и сытой жизни. Но к счастью у нас остались исходники и мы посчитали, что нам не хватает именно таких, умных и воин-

ственных, и клонировали их тем же составом, с теми же знаниями, а потом высадили на планету в похожие условия, где когда-то было разумная жизнь.

– Как я понимаю, они здесь и жили.

– Нет, их планета находится с другой стороны солнца, с земли ее увидеть невозможно. А эта планета – близнец. Мы хотели воссоздать расу ученых и воинов, и изучит весь процесс от начала до конца.

– Но не получилось?

– Нет, не получилось, вы постоянно себя уничтожаете.

– Причина?

– Я не знаю. Те же люди, те же знания, та же ситуация и планета, такое же распределение по расам, и всегда одинаковая концовка... Она помолчала... – Бам! Ядерная война. А нам потом убирай. А это, кстати, не так уж и легко. На это уходят все запасы старых технологий.

– Царя-заклепку-гвоздика-мать...

– А вот материться не хорошо, – она улыбнулась и погладила меня по голове. – Хочешь еще выпить?

– Да, хочу.

– Ты главное не переборщи, у меня на тебя сегодня еще планы... личного характера.

...Сегодня мы монтировали первые станции для сбора и накопления атмосферного электричества. Высокие здания, с круговым контуром, решеткой заборника, обшитого медными листами с торчащей антенной приемника. Некоторые

имели по пять и более шпилей. Здания возводили на высоких местах, немного в стороне от жилья, хотя станции были совершенно безопасными, а энергии давали столько, что хватало с избытком на все нужды человечества. Я прислушался, в голове отчетливо послышалось обращение лично ко мне, послание. Зовут, значит нужно возвращаться ко всем, скоро ночь...

Я очнулся в поту, сидя на берегу реки, удочка, которую я до этого держал в руке, лежала рядом. По привычке глянул на воду, поплавок не шевелился, так же как и всегда. Настенька сказала, что если мне нужна рыба, то я поймаю, а вот если ради развлечения, то нет. Но рыбалка для меня всегда была скорее отдыхом на природе чем добычей пропитания. Я потряс головой. Постоянно накатывающие кадры чужой жизни начинали утомлять.

– Дорогая, у меня опять были видения, – тихо прошептал я, и в ту же секунду рядом со мной материализовалась девушка с двумя полудетскими заплетёнными косичками и серьезным выражением на веснушчатом лице...

– Что на этот раз?

– А на этот раз были церкви, которые вырабатывают электричество...

Она фыркнула.

– Это у вас церкви, а у них станции для сбора атмосферного электричества, между прочим простая и эффективная технология, но я не думаю, что загадка где-то здесь, вы то-

же изначально так делали, потом конечно немного деградировали.

– А могу я посмотреть воспоминания первых клонов?

– К сожалению, нет. Тебе доступна родовая память первых, основных личностей, с клонами такое не получается.

– А почему?

– Оригиналы были, как бы тебе объяснить... не телепатами, я бы назвала их сильными эмпатами, каждый из них был как открытая книга. А клоны, то есть вы, хоть изначально и обладаете такими способностями, все равно остаетесь одиночками.

– Стоп!

– Что? Ты что-то придумал?

– Мысль еще не сформирована, но уже намечена... Нужно больше данных!

– Ну, ищи, ищи, Пуаро... Найдешь ответ, исполню одно твое желание.

– А почему не три?

– Смотри, клюет, показала она пальцем на воду.

Я обернулся, поплавок и вправду плясал как сумасшедший. Не веря своим глазам, я схватил удилица и дернул. Ну, да, так, наверное, нельзя, но и я не профессиональный рыбак, а тут еще растерялся. Удилище прогнулось, в воде что-то виднелось, темное и большое, я нашарил рукой подсак и аккуратно подцепил добычу. И уже через секунду держал в руках старый порванный башмак, на котором было написано

«Золотых рыбок не бывает». Вот же!..

– Помнишь, ты рассказывала о тех людях, которые жили до нас, занимали разные планеты и процветали, пока на них не напали?

– Да.

– И ты говорила, что они могли общаться между собой телепатически, но только в рамках своей планеты.

– Я же говорила, что не совсем телепатически, они могли улавливать эмоции и целенаправленные мысли, и то только самую суть. Полноценно разговаривать мысленно они не могли. Это скорее эмпатическая связь. Каждый всегда знал, что ожидать от другого.

– Так это и есть основная причина, почему из нас не получилось то, на что вы рассчитывали.

– Ты не прав, каждая воспроизведенная особь имеет способность к глубокой эмпатической связи.

– Каждая по отдельности, если взять аналогию с радио, то все они должны быть на одной волне, а ваши клоны, то есть мы, все работаем на разной, передаем и принимаем каждый на своей, и не слышим друг друга. Видимо отладка этого навыка происходит в очень раннем возрасте, а вы создаете людей со встроенной функцией, но не отлаженной. Они не слышат друг друга. И от этого общество, которое должно быть едино как один организм, распадается на одиночек.

– Иии?

– Что, и? Одиночки – полное отсутствие эмпатии и пони-

мания друг друга. Это же дает человеку возможность говорить неправду, а ложь – первый шаг к разрушению общества. Далее обман в своих целях, границы, империи, жажда власти, войны, конец! Вот представь, есть двигатель внутреннего сгорания, там каждая деталь выполняет нужную функцию, и от этого двигатель работает, а если вся его работа нарушится, если хоть одна деталь изменит скорость или направление, то двигатель заклинит. Так и с нами.

– Понятно... – Настенька сидела на берегу реки и задумчиво жевала травинку, – То есть мы пытаемся воспроизвести двигатель, не зная всех нюансов его работы.

– Да, именно так! А учитывая, что наши предки были совсем не деталями, а очень даже высокоразвитыми существами, то построение их общества и было основано на этой, так называемой, глубокой эмпатической связи, а без нее все рассыпается. Мы клоны, мы не можем понять друг друга, мы разучились говорить душой, и начали говорить словами, а слова слишком поверхностны и всегда лживы.

– Подожди, – Настенька исчезла, а я поднялся и пошел в дом, может моя теория высосана из пальца, может я слишком возомнил о себе. А может я и прав! Но в любом случае других мыслей у меня не было, и я решил дождаться ее в доме. Деревня, в которой нет людей, начинала давить на психику, а что делать дальше, я не знал. Возвращаться в бесполезную войну на вечную смерть?.. Нет, не хотелось. Остаться здесь – со временем сойду с ума... даже если Настенька будет ме-

ня периодически навещать... Выбор? Почему всегда нужно выбирать?!

Эпилог

– Я не сказала, что ты прав, но твоя идея принята на рассмотрение.

– Так я могу загадать одно желание?

– Да, можешь, но только одно, а не как в анекдоте.

– В каком из них?

– В том, где квартиру-машину-дачу-много-денег – это раз...

– Да я уже понял, что вы там, – я указал пальцем вверх, – жадины-говядины.

– Одно желание, – из голоса Настеньки пропали игривые нотки. – Вот теперь она была похожа на наблюдателя.

– Ты можешь остановить войну? Там. – Я неопределенно показал пальцем куда-то над рекой.

Она внимательно на меня посмотрела.

– Нет, не мы ее начали, не нам и заканчивать. Выбери что-нибудь другое.

– Ну, тогда «счастье для всех, даром, и чтобы никто не ушел обиженным».

– Я знакома с произведениями Стругацких.

– А вдруг это...

– И с произведениями Лукьяненко тоже.

– Так это...

– Я знаю все книги планеты Земля на память. Ну?..

Я задумался. На самом деле вариантов было совсем мало, в прошлое меня вернуть не могут, в своем настоящем я не нужен, в новое завтра меня не зовут...

– Нет у меня вариантов. Что можете предложить вы?

– Место помощника, наблюдателя. Это небольшая должность, жить сможешь здесь,.. поправим под твой вкус. К новым поселенцам со временем тоже сможешь выходить, не сразу, но сможешь. Но это только за твою идею, авансом.

– Авансом? За будущие идеи?

– Не исключено.

– Эх, а я-то надеялся, что тебе просто понравился секс со мной!..

– Все мы бабы – стервы, милый, бог с тобой... – Настенька улыбнулась. – Вставай, помощник, введу тебя в курс дела.

Декабрь 2023г